

МАГНУС: ПЕПЕЛ ИМПЕРИИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Камилла К.К.Б

Магнус : Пепел империи

<https://litres.ru/73468533>

SelfPub; 2026

Аннотация

Миры Магнуса формально разделены, но дороги между ними не исчезли. Переходы по-прежнему существуют — просто не каждому они открываются. Ледяная Стена между фракциями не только граница, но и страж: она чувствует намерения. Тех, кто идёт с жадной властью или бунта, она не пропускает. Остальных — иногда

Айри выросла среди людей, зная о себе лишь два факта: её родители пропали без вести, а её кровь смешанная. Метисы в Магнусе редки, из-за разных природ миров плохо сочетаются, и такие дети появляются нечасто. Выживают ещё реже, вокруг её жизни накапливаются странности: в которых слишком много знаков и места, где реальность будто становится тоньше. Айри не стремится к тайнам миров — но они всё чаще оказываются рядом с ней.

Когда прошлое перестаёт молчать, выбором становится не «узнать или нет», а «устоять или провалиться». Некоторые исчезновения — это бегство. Некоторые — защита.

А некоторые оставляют после себя вопросы, на которые опасно находить ответы.

Содержание

Пролог	4
Глава 1 «Порог»	11
Глава 2 «От Кристалла до границы»	35
Глава 4 « шаг»	58

Камилла К.К.Б

Магнус : Пепел империи

Пролог

До того, как лёд стал стеной

Когда миры Магнуса ещё помнили друг друга и оставались открытыми, границы пересекались свободно. Переходы между мирами являлись частью привычной жизни. Дороги связывали их так же естественно, как реки и тропы.

Небо служило ориентиром точнее любых карт. Каждый мир отличался своим оттенком, и путники ощущали границы по изменению воздуха.

Решения тогда не принимались наспех. Если возникал вопрос, затрагивающий несколько миров, короли отправляли гонцов к одному человеку.

У него отсутствовали регалии и трон. Его имя не значилось в родословных правителей и не сопровождалось символами власти. При этом его присутствие принималось спокойно.

Он появлялся там, где решалась судьба. Появлялся без объявлений и сопровождения и вопросов о причине его влияния не возникало. Он входил в залы советов и занимал своё место.

Его положение оставалось непререкаемым. Говорил он мало. Голос звучал ровно и сдержанно. Речь отличалась ясностью и точностью.

Перед собравшимися стоял Тануй. Высокий, с густыми бровями и строгими чертами лица. Впалые тёмно-зелёные глаза с редкими янтарными вкраплениями смотрели прямо. Этот взгляд улавливал детали и не допускал лжи это было известно всем.

В его движениях ощущалась выверенность и последовательность. Начатое он всегда доводил до конца. Внешний вид оставался аккуратным: лёгкая щетина, короткие слегка волнистые волосы.

Тануй вмешивался только в случаях, когда последствия могли стать опасными. Он помогал, стремясь сохранить равновесие между фракциями.

Ему были доступны различные варианты будущего. Он не выбирал путь за других, а лишь указывал точки, где начиналось разрушение.

Многие решения принимались своевременно именно благодаря его словам.

Великая война не возникла внезапно. Она развивалась постепенно. Существовали слухи, что её начало связано с двенадцатой фракцией мира Магнуса.

Эта фракция не имела имени и истории. Те, кто входил туда, не возвращались. В редких случаях возвращения люди теряли память и внутреннее содержание.

Со временем её стали называть Небытием. Постепенно миры менялись. Усиливались агрессия, зависть и жестокость. Возникло ощущение внешнего воздействия словно из двенадцатой фракции распространялась разрушительная энергия. Начались споры. Одни утрачивали способность договариваться, другие игнорировали предупреждения, третьи удерживали власть там, где требовалось отступление.

Миры обсуждали границы, право прохода и допустимость вмешательства. Переходы разрушались, и каждая фракция стремилась захватить чужие миры.

Эф удерживала один из них. Это была фракция Земля. Земля оказалась особенно уязвимой. Здесь жили люди существа, зависимые от её защиты. Их исчезновение означало бы гибель мира. Эф удерживала Землю столько, сколько позволяла структура мира. Она создала энергетический купол, закрыв планету. Ни одно существо не могло проникнуть внутрь, разрушить её или лишить людей дома. Фракция Земля была самой малочисленной, однако защита требовала огромных ресурсов. Энергия расходовалась быстро, но структура мира сохранялась. Её смерть осталась без свидетелей. О ней стало известно позже по изменившемуся потоку энергии. Тогда стало ясно: Земля сохранилась. Люди продолжили жить благодаря Эф. Позже будет установлена каменная статуя в честь её подвига. На ней высекут: «Мы сильнее тогда, когда у нас есть за что бороться». Тануй потерял дочь, а его беременная жена исчезла. Существовали предпо-

ложения, что она пожертвовала собой, чтобы Небытие не поглотило остальные фракции и чтобы Магнус сохранил своё существование. О ребёнке, который должен был родиться, сведений не осталось произошли ли роды, установить не удалось. Сохранилось лишь знание: если он выжил, в нём заключены силы, которым предстоит проявиться. После утраты семьи Тануй заявил, что более не станет вмешиваться. Он предложил возвести стены и покинул происходящее, отказавшись от участия в войне.

Тем самым он дал понять: Магнус изменился. Советы продолжали существовать формально. Короли собирались, принимали решения и заключали союзы. Однако равновесие оказалось утрачено. Предвидение более не направляло их действия.

Создание ледяных энергетических стен стало ответом на нарастающий хаос. Эти структуры ощущали намерения тех, кто пытался пройти. Одних они отталкивали, других могли задерживать на длительное время, пока не определяли их как безопасных.

Тануй участвовал в расчётах и создании основы. Его вклад отличался точностью и значимостью. Короли и их жрицы вложили столь значительные ресурсы, что со временем стены обрели признаки восприятия память и подобие сознания.

После завершения работы он окончательно ушёл. Существовали разные версии: что он направился в Небытие, что

утратил рассудок, что оказался сломлен войной. Истинная причина оставалась неизвестной. Он выбрал тишину.

Годы службы привели к усталости. Он ушёл, принимая всё произошедшее, словно заранее знал исход. Это стало тайной.

Он направился в Красный лес место, куда не решались идти и где его больше не искали. Его тело сохраняло следы войны. Одна нога почти утратила подвижность. Трость стала частью движения, помогая удерживать равновесие и задавая направление, которому он доверял больше, чем зрению.

Глава 1 «Порог»

Мой возраст тогда определяли приблизительно — говорили, что мне около четырёх. Я сама этого не знала. В детском доме моё имя писали по-разному: иногда Айри, иногда Айро, и я привыкла откликаться на оба, потому что ни одно не казалось по-настоящему моим. Я оказалась там после того, как исчезла вся моя семья. Мне никто ничего не объяснял. Не было ни тел, ни прощаний, ни понятных слов. Сначала взрослые говорили «пропали», потом в документах появились отметка «дело закрыто» и поиски прекратились так, будто их и не было. Я чувствовала, что вместе с этими записями что-то окончательно закрыли, какую-то дверь, за которой осталась моя прежняя жизнь.

Когда меня принесли в детский дом, мне был всего год. Все знали, что я метис, носитель двух фракций, но каких именно — никто не мог определить. Слишком маленькая, чтобы проявились признаки. Метисы вообще рождались редко, потому что существа разных фракций не всегда могли иметь детей из-за различий в природе и, как говорили взрослые, даже в самой структуре крови. Я росла смышлёной, быстро схватывала, не отставала от других, но чаще оказывалась на виду из-за мелких проделок. Мне нравилось проверять границы мира вокруг: можно ли залезть, дотянуться, открыть, попробовать. Так прошли три года.

В день праздника Матери Природы всё вокруг изменилось. Это праздник ежегодно праздновался во Флориуме в середине осени ,во время сбора урожая.Флорцы украшали улицы, готовили еду, делились угощениями, смеялись, танцевали. Даже в детском доме чувствовался праздник: повсюду стояли цветы, ленточки, сладкие запахи смешивались в воздухе так густо, что от них кружилась голова. Мы ели до сыта, взрослые улыбались чаще обычного, и на какое-то время казалось, что мир добрый и большой.

Позже нас отправили спать. Две няни должны были уложить всех и следить за порядком, но, решив, что дети уснули, они тихо ушли — всего на полчаса, посмотреть на ярмарку и танцы в центре. Я спать не собиралась. Мне было обидно, что праздник есть, а меня от него закрыли стенами и кроватью. Я заметила в окно, как они уходят, и во мне проснулось упрямство, тёплое и решительное. Я выбралась во двор.

У ворот росли высокие кусты роз с колючками и бархатцы с плотными лепестками. Я села рядом и стала нюхать каждый цветок по очереди, стараясь уловить разницу в запахах. Один пах медом, другой — чем-то травяным, третий — почти как сладкая булочка. Когда я наклонилась поцеловать очередной цветок, из самой его середины вдруг выскочила искра — золотая, тёплая, живая, будто маленькое солнце. Она была на столько теплой ,хотелось смотреть и раствориться в ней.

Я засмеялась и стала играть с ней: пряталась, когда она

ныряла в цветы, тянулась к ней, когда она вылетала. Это были салки без слов. Мне казалось, что она зовёт меня, и я не чувствовала страха — только интерес. Потом искра перелетела за ворота. Я пошла за ней.

Сначала дорога была знакомой. Слышались музыка, смех, голоса. Я проходила мимо улиц с праздником, мимо зданий, мимо рынков. Но постепенно звуки менялись: становились тише, реже, дальше. Потом городской шум исчез совсем. Воздух стал плотнее, как будто его можно было пить. Солнце будто задерживалось в небе и не спешило двигаться.

Я шла через поляны с разными растениями и цветами, не замечая, как далеко ухожу. Искра летела впереди, и весь мой мир сжался до её золотого мерцания. Так я дошла до Красного леса. Я не знала, что он называется именно так. Я просто видела, что деревья вокруг становятся всё краснее.

Когда я зашла вглубь леса, искра начала тускнеть, словно у неё заканчивались силы. Во мне поднялось беспокойство. Я вдруг поняла, что не знаю, где нахожусь. Второй мыслью пришёл голод. Я не знала, сколько часов шла, зачарованная светом. Живот жалобно заурчал. Я вспомнила недоеденную запеканку в столовой, тепло комнаты, голоса воспитателей. Ту самую запеканку, которую я тогда есть не хотела. Теперь я бы съела её всю и попросила добавки. Стало прохладно. На мне была тонкая пижама, ноги босые. Я обняла себя руками, пытаюсь согреться, и медленно пошла дальше, внимательно оглядываясь. Вокруг росли грибы, светящиеся

янтарным светом. Если к ним прикоснуться, они издавали тихий булькающий звук, будто в них жила вода. Рядом были ягоды странной формы, необычные растения, цветы, которых я никогда не видела. Маленькие существа шуршали и прятались, а земля была покрыта толстым мягким мхом, как ковром. Я даже наступала тише, потому что он казался живым. Потом я увидела хижину. Она выглядела так, будто выросла из леса вместе с деревьями. Старая, небольшая. В углу виднелся крошечный сад. На стене висели вилы, лопаты и странные инструменты, назначение которых я не понимала. Я открыла дверь. Внутри было тепло. Очаг, простой стол, один стул, большой сундук. Деревянный стеллаж с книгами, отварами, сушёными травами и сухоцветами. На другой полке — камни и амулеты. У окна стоял диван с аккуратно сложенным пледом. Рядом — тумбочка, на ней карты миров и старые газеты о войне.

И ещё — тарелка с кусочком хлеба и шоколад в бумаге.

Голод победил всё. Я залезла на диван, укуталась пледом и начала есть. Хлеб казался самым вкусным на свете, шоколад сладко таял во рту. Я нашла чашку с остатками чая и выпила его, даже если он был чужой и уже остывший. Тепло разлилось внутри. Глаза сами закрылись.

Я уснула. Когда он вернулся, я этого не слышала. Я вспоминала утро, но не сам момент его появления. Мне рассказывали, что Тануй пришёл с озера на закате. В тот день как раз шли красные рыбы — длинные, нежные, с плавниками

как паруса. Они появлялись раз в год, в один и тот же день и час, выпрыгивали из воды и ныряли обратно синхронно, как танец. Он никогда не брал лишнего, относился к природе с уважением, не позволял себе избыточного.

Он шёл по натопанной тропе к хижине с удочкой и сеткой, где лежала редкая рыба для ужина. Его трость вдруг остановилась — будто почувствовала чужое присутствие. Он насторожился. Он уже был стар, темно-седые волосы и борода говорили о прожитых годах. Нога после войны болела редко, но он всё равно хромал — скорее по памяти тела, чем от боли.

Он открыл дверь. И увидел меня. Грязную. Спящую. С зажатым в ладони хлебом. Шоколад растаял на подушке, он долго смотрел, прежде чем сделать шаг.

Утром он отвёл меня обратно в детский дом. Я помню только, как крепко держалась за его одежду, потому что рядом с ним было спокойно. Воспитатели благодарили его, няни были в шоке, суетились, говорили слишком громко. А я смотрела на него и чувствовала странную уверенность, будто мир сделал поворот, который уже нельзя отменить.

И тогда я ещё не знала, что эта ночь изменила не только меня.

Прошла неделя.

В детском доме время тянется странно: дни одинаковые, но внутри они ощущаются по-разному. После Красного леса я стала тише. Воспитатели решили, что я испугалась. Они не

знали, что дело не в страхе. Просто во мне появилось чувство, будто где-то за пределами стен есть место, где меня уже однажды ждали.

Иногда я вспоминала хижину. И старика с тяжёлым взглядом, в котором не было ни жалости, и раздражения — только внимательность, как будто он смотрел не на ребёнка, а на знак который может изменить жизнь .

Через неделю в детский дом пришла женщина.

Я сидела на кухонной столешнице, поджав одну ногу, и грела ладони о кружку чая с корицей и фруктами. Пряный пар поднимался к лицу, мягко касался кожи, щекотал нос. Вся квартира тёти Ирмы была наполнена этим густым ароматом — домашним, укутывающим, словно он тихо обещал: любую тревогу можно пережить, пока есть свет в окнах, тепло кухни и родное присутствие рядом.

От неё всегда исходило ощущение солнечной энергии, словно вокруг её силуэта воздух становился светлее и теплее. В детстве воображение снова и снова рисовало мечту о крыльях, похожих на крылья Ирмы — прозрачных, пронизанных золотыми прожилками, где каждый отблеск напоминал лучи рассветного солнца.

Её волосы ложились мягкими волнами тёплого рыжего оттенка, будто впитали сияние закатного света, а среди этих прядей иногда проглядывали аккуратные кончики ушей, придавая облику утончённую особенность. Вся её внешность говорила о принадлежности к фракции Саляри-

ума, к тем, чья природа связана с теплом, светом и живой солнечной силой.

С детства я любила наблюдать, как она готовит. Её руки двигались уверенно и спокойно: нож ровно скользил по овощам и фруктам, пальцы выводили узоры на тесте так бережно, будто перед ней лежало не тесто, а хрупкая мелодия. Иногда я ловила себя на том, что смотрю на это, забывая о времени. Как смотрят на огонь или на воду — не отрываясь, позволяя мыслям стихнуть.

Сколько себя помню, она ни разу не отмахнулась от моих вопросов. Даже возвращаясь уставшей после долгого дня в библиотеке, она слушала меня внимательно, с той редкой мягкостью, которая даёт ощущение значимости. В такие вечера я старалась быть спокойнее: подать тарелку, помочь нарезать, просто посидеть рядом. Молчание между нами никогда не звенело пустотой. В нём жило тихое согласие и тепло.

В памяти всплыл один школьный день. Нас тогда отпустили раньше — учитель истории заболел. Я пришла домой в непривычный час, когда Ирма обычно уже хлопотала у плиты. Квартира встретила меня тишиной. Внутри шевельнулось желание сделать для неё что-то хорошее. Не из обязанности — из искреннего порыва порадовать человека, который стал мне опорой.

Я достала с полки кулинарную книгу. Перелистывала страницы, пока из неё не выскользнула фотография. Подняв её, я увидела мужчину с густыми тёмными бровями, чётки-

ми скулами и глубоким взглядом. Он стоял рядом, а молодая Ирма целовала его в щёку, светясь счастьем. Края снимка были потёрты временем. На обороте аккуратным почерком значилось:

«Где бы я ни был, ты там, где моё сердце».

Что-то внутри меня дрогнуло — тихо, трепетно. Я улыбнулась смущённо, словно случайно прикоснулась к чужой сокровенной памяти. Хотела вернуть фото на место и заметила рецепт персикового пирога. Тогда он показался мне простым и понятным.

Это оказалось наивной уверенностью.

Скоро кухня утонула в муке, раковина наполнилась посудой до краёв, а я выглядела как героиня неудачной сказки про юного пекаря. Волосы припорошены мукой, щёки в пятнах теста. Закончив, я стряхнула с себя следы кулинарной битвы и поставила пирог в духовку.

Тридцать пять минут тянулись медленно, будто время решило испытать моё терпение. Я металась по кухне, приводя всё в порядок. Хотелось, чтобы к её приходу всё сияло.

Щелчок духовки совпал со звуком поворачивающегося ключа в замке.

Я замерла с фартуком в руках, разрываясь между духовкой и дверью.

— Боже, как вкусно пахнет! — донеслось из прихожей.

Она вошла, снимая верхнюю одежду, и воздух будто ожил.

— Ты сегодня рано. Что ты там придумала? И какой аро-

мат...

— Урок отменили, — сказала я, принимая у неё сумку и пакет с фруктами. — Учитель истории заболел.

Её взгляд скользнул по столу.

— Сервировка... цветы... как красиво.

— Переодевайся, мой руки и за стол, — повторила я её же слова, стараясь скрыть волнение.

Мы сели ужинать. Она рассказывала о ревизии в библиотеке, о четырёх пропавших редких книгах, из-за которых на ноги подняли всех сотрудников.

— И не нашли?

— Нет. Доступ был закрыт. Книги старые, ценные. Потом объясню, я сегодня без сил.

Я подвинула к ней тарелку.

— Попробуй пирог.

Она откусила, прикрыла глаза, и на её лице мелькнуло далёкое воспоминание.

— Я давно не ела персиковый пирог... очень давно.

В груди у меня разлилось тёплое волнение.

— Я по твоей книге готовила. Слушай... тот мужчина на фото — это твой бывший?

Её взгляд стал мягким, наполненным тихой печалью.

— Это мой жених. Майк. Мы не успели сыграть свадьбу. Война забрала его.

Холодок прошёл по коже.

— Прости... я не хотела вторгаться. Фото просто выпало.

— Всё хорошо, дорогая. Спасибо за пирог. Он его любил. Голос у неё оставался ровным, но в нём жила память. Тогда я впервые почувствовала, что война — это не даты в учебнике. Это кухни, где один стул всегда пустует.

— Айри? Ты где? — её голос вернул меня в настоящее.

Я моргнула, возвращаясь из воспоминаний.

— Задумалась. Что ты говорила?

— Во сколько ты встречаешься с девочками? И ты правда хочешь отметить заранее?

— Да. Завтра хочу быть у Тануи. В прошлом году он расстроился, хоть и не показал.

Она усмехнулась краешком губ.

— Этот отшельник... Ты поступаешь правильно. Он ждёт тебя, даже если молчит.

— Было бы легче, если бы он иногда выходил из леса.

— Пока рано. Он не готов. Мир считает, что он исчез. Иногда так безопаснее.

Я спрыгнула со столешницы, подошла к ней и украла ломтик огурца. Хруст раздался отчётливо и весело.

— Слушай, Ирма, я никогда не спрашивала, как вы познакомились с Тануем?

Ирма подняла на меня взгляд, в котором на мгновение мелькнула дальняя память, будто она перелистывала внутри себя годы, лица, дороги.

— Ох, дорогая, наша встреча случилась задолго до того, как ты вошла в нашу жизнь таким тревожным вихрем, —

произнесла она мягко, усаживаясь удобнее. — Тануй помогал нашей семье в трудные времена, его знали как человека, к которому приходят, когда обычные решения уже не работают. К тому же он дружил с моим братом.

— У тебя был брат? Ты никогда о нём не рассказывала.

Лёгкая улыбка коснулась её губ, спокойная, тёплая, без тени смущения.

— Ты никогда не спрашивала. Когда-нибудь я расскажу всё подробно, каждую историю, каждую тропу, что нас связала, только сегодня передо мной стоит девушка, чьи глаза горят жизнью, чьи мысли заняты совсем другим, и эта девушка уже смотрит на время с опозданием.

Её взгляд скользнул к часам на кухонной стене, стрелки которых уверенно подталкивали время не ждёт

Я жду Пелин, она вот-вот подойдёт. Мне нужна её помощь, выбор наряда сегодня превратился в настоящее испытание: красное платье тянет к смелости, чёрное обещает загадку. Дилемма достойная целой драмы, - усмехнулась я. — Я давно не видела Пелин, куда она пропала? Она же собиралась поступать в университет, как её дела? Последние два месяца она живёт в бешеном ритме: помогает в заповеднике Флориума, вытаскивает редких существ буквально с края гибели, параллельно работает в приюте, а завтра у неё вступительные экзамены, - в голосе Ирмы звучала гордость, спокойная, глубокая. Мне нравится, что вы держитесь друг за друга.

Пелин - человек действия, в ней столько огня.

Пелин на парковке бывшего парня, в руке тяжёлый шар для боулинга, в глазах буря; фраза о том, что она «недостаточно леди» для знакомства с родителями, разлетелась вдребезги вместе со стеклом его машины, вечер утонул в алкоголе, злость нашла выход в грохоте и крике.

Пелин в маленьком маркете, продавец отказывает в продаже пива, упрямство берёт верх, бутылки оказываются в её руках, стремительный побег заканчивается падением, нога цепляется за шнур холодильника, стекло разлетается по полу, продавец ловит её у выхода, деньги всё равно ложатся на прилавок, а мы навсегда вычёркиваем этот магазин из своих маршрутов.

Пелин тащит домой гуся с речки, утро встречает её раскалывающейся головой и картиной полного хаоса: кухня испачкана гусиными следами, перья липнут к полу, на вопрос «зачем» звучит искренний ответ о голодной птице и желании спасти, а потом выясняется, что гусь вовсе не дикий, а из того самого заповедника, где она работает.

- Наша дружба - отдельная вселенная, — сказала я, чувствуя, как внутри растёт предвкушение новых историй, которые однажды займут своё место в моей копилке памяти.

Звонок в дверь прозвучал чётко, ритм знакомый до последней паузы, узнаваемый годами дружбы.

— Это Пелин, я открою!

Я соскользнула со столешницы, почти перелетела через

коридор, пальцы провернули замок, дверь распахнулась.

Пелин ворвалась своим привычным вихрем, обняла крепко, поцеловала в щёку, вложила в ладонь коробку с бантом.

- С днём рождения, Ри. Ты ещё не готова.

Только она называла меня так.

- Я ждала тебя, мне нужна помощь, а ты выглядишь просто сногсшибательно.

Родная фракция Пелин (Морвин - подземные), характерные белые волосы стекали по её плечам мягкими линиями, серые глаза ловили свет, красная помада подчёркивала улыбку, топ с серебристым блеском облегал фигуру, юбка подчёркивала бёдра, тёмная кожа сияла теплом. Я рассматривала её с искренним восхищением, как картину, в которой каждая деталь на своём месте.

С кухни донёсся голос Ирмы: Пелин , входи, дорогая.

Ирма уже стояла в проёме, раскрывая объятия.

Пелин прижалась к ней с той свободой, какая бывает только между по-настоящему близкими людьми.

- Ирма, ты сегодня особенно прекрасна, и этот аромат... новые духи?

Их общение текло легко, насыщенно, они подхватывали мысли друг друга на полуслове, иногда мне казалось, что между ними существует особая настройка, недоступная остальным.

Ну всё, пойдём, - сказала я, мягко разъединяя их. Нам предстоит серьёзная миссия.

Пелин по-своему прошла первая в комнату , уверенно, без сомнений, как человек, который в любом пространстве мгновенно чувствует себя главным. Он толкнула дверь плечом не церемонясь, и прыгнула на кровать, матрас пружинисто качнулся. Пелин устроилась в своей привычной манере: закинула ногу на ногу, раскинула руки упёрлась об кровать ладонями , и посмотрела на меня с таким видом, будто это не моя спальня, а её личный трон.

— Ну что, показывай варианты, — протянула она, с нетерпением в голосе.

— Да-да, — отозвалась я, — давай поторопимся. Нас уже заждались в клубе.

Я сказала это скорее себе, чем ей — будто пыталась ускорить не только нас, но и время. Внутри было лёгкое напряжение и предвкушение : «Кристал» то место который требовал идеального внешнего вида , и хорошего вкуса. Пелин приподняла бровь и подняла ладонь, останавливая меня одним жестом.

— Так, стой, Ри. — Она выпрямилась, как будто собиралась произнести тост. — В этот день весь мир будет ждать того момента, пока ты будешь искать себе самый подходящий наряд. Пусть мир ждёт. Ведь если уж он тебя увидит... — она сделала паузу, — значит, ему это понравится.

Слова повисли в воздухе. В комнате возникла гробовая тишина — такая плотная, казалось что в комнате были

слышны далекое стрекотание сверчков . Я замерла на месте, не сразу понимая, что больше смешит: её внезапная философия или то, с каким серьёзным лицом она это произнесла. Смех подступил мгновенно , горячим комом к горлу. Я сдерживала его изо всех сил: сжала губы так сильно, что почувствовала, как ноют скулы. Мне казалось, если я сейчас засмеюсь — уже не остановлюсь. Но через секунду я увидела взгляд Пелин. Она тоже поняла. Поняла, что переборщила с величием момента, что её «мудрость» прозвучала слишком торжественно для обычной спальни, где мы просто выбираем платье, чтобы пройти охрану и не выделяться не там, где надо. Её губы дрогнули.

И всё...

Мой смех вырвался наружу — резко и свободно без шансов остановить.

— Ахаха... слушай, ты философ! — выдохнула я сквозь смех.

— Ахахах, Ри, ты меня доводишь! — отозвалась Пелин, и в следующую секунду она уже сгибалась пополам.

Она схватилась за живот — судорога смеха скрутила её так сильно, что она почти сползла с кровати. Пелин пыталась вдохнуть, но получалось только судорожно и коротко.

— Перестань... — выдавила она, задыхаясь. Не смейся... успокойся, пожалуйста... Из-за тебя я не могу остановиться!

Но остановиться было невозможно. Через секунду меня тоже скрутило. Мышцы живота свело так, что стало больно,

дыхание сбилось, а из глаз пошли слёзы, сначала от смеха, потом уже просто потому, что организм не выдерживал. Я подошла ближе и начала бить Пелин по спине — сначала легко, как обычно делают, когда человек задыхается от смеха. Но я так смеялась сама, что не заметила, как мои удары стали чуть сильнее. Слёзы стекали по щекам, я едва могла говорить.

— Ри... — Пелин подняла ладонь, умоляюще, как будто просила пощады. — Пожалуйста... всё, всё... — она выдохнула и зажмурилась. — Умоляю... дай мне минуту.

Мы обе пытались успокоиться. Я отвернулась к окну, словно там могло быть спасение, и заставила себя дышать медленнее: вдох — пауза — выдох. Пелин сидела на кровати, держась за живот и часто моргая, словно слёзы могли испортить не только макияж, но и достоинство. Прошло несколько минут и смех наконец отступил. Но лица всё ещё оставались красными, глаза блестели, грудь поднималась и опускалась неровно, будто мы только что пробежали марафон.

И тут Пелин тихо простонала:

— Чёрт...

Я посмотрела на неё — и поняла, почему.

От смеха у неё потёк макияж: подводка слегка поплыла, тушь оставила тонкие следы, а тон в одном месте съехал, будто издевался над всей её попыткой выглядеть безупречно.

Пелин фыркнула, будто это было личным оскорблением.

— Где тут у тебя лежала косметичка?

Я даже не успела ответить. Она и так знала. Пелин всегда знала, где что лежит у меня — словно моя комната сдалась ей без боя ещё в первый день нашего знакомства. Она потянула на себя шкафчик, выдвинула ящик и, не глядя, вытащила косметичку.

— Бинго, — сказала она удовлетворённо, как будто выиграла маленькую, но важную битву.

Она уселась удобнее, раскрыла косметичку и начала быстро приводить себя в порядок. Движения у неё были привычные, отточенные: салфетка, пудра, тушь, подводка — всё на своих местах.

— Пока я буду краситься... — проговорила она, глядя в маленькое зеркальце, — если я пойду в таком виде, Физис меня в клуб не пустит, — и сама же усмехнулась. — А ты показывай мне варианты платьев.

Физис — глава охраны, главный в безопасности. Человек, который решает, кто достоин войти в «Кристал», а кто может стоять снаружи и слушать музыку через стены. Благодаря Пелин и ее связям у нас был шанс попасть внутрь — туда, где обитали сливки общества, где улыбки стоили дороже золота, а любой взгляд мог оказаться сделкой.

— Ладно, — сказала я, вытирая остатки слёз с ресниц. — Смотри.

Я подошла к гардеробу, потянула дверцу, и в лицо ударил знакомый запах ткани и парфюма, который въелся в одежду. Я вытянула два платья — именно те, между которыми

колебалась весь день, — и, стараясь делать всё аккуратно, почти торжественно, положила их на кровать рядом с Пелин. Ткань мягко легла на покрывало, поймала свет лампы и блеснула. Смех окончательно ушёл. В комнате снова стало тихо — но теперь это была другая тишина: собранная, внимательная, как перед выходом на сцену. Теперь мы действительно начинали сборы.

Пелин отвлеклась от своей рутины, будто вынырнула из привычного автоматизма: закрыла косметичку, отложила кисточку и подошла ко мне. Она встала рядом с кроватью и внимательно осмотрела два наряда, разложенные на покрывале. В её взгляде появилось то самое выражение — оценивающее, цепкое, как будто она выбирала не платье, а роль.

— Ри... да ты сумасшедшая. В хорошем смысле этого слова.

— Возможно, — усмехнулась я. — Это моя кровь метисов борется во мне.

Пелин хмыкнула и чуть наклонилась ближе, рассматривая ткань, словно могла по одному блеску понять, что именно мне подойдёт. Я видела: ей нравится сам процесс — выбирать, собирать образ, превращать обычный вечер в событие. Первое платье было утончённым и длинным, чёрным, строгим — но с изюминкой, с дерзостью, спрятанной в деталях. Верхняя часть была выполнена из мелкой чёрной сетки, тонкой, почти невесомой. С внутренней стороны сквозь неё просвечивал чёрный блестящий бюстгальтер. Сетка оголяла

живот — не полностью, а ровно настолько, чтобы это выглядело не вызывающе, а опасно красиво. А дальше, начиная от бёдер, до самого пола спадала чёрная, блестящая юбка. Она ловила свет лампы и переливалась так, будто в ткань вплели ночные искры. И было что-то ещё: когда я просто смотрела на это платье, во мне уже поднималась уверенность. Холодная, хищная. Как будто оно заранее знало, кем я стану, когда надену его. Второе платье отличалось в корне — будто из другого мира, из другого настроения. Красное, короткое, на тонких атласных бретельках. Эти бретельки были украшены мелкими красными стразами, которые сверкали, если поймать правильный угол света. Конец юбки был обшит красными перьями — мягкими, живыми, словно они могли дрожать от дыхания. К этому наряду ещё прилагались длинные красные перчатки — такие, которые делают жесты красивее, а движения — более уверенными. В этом платье я чувствовала себя другой: сексуальной, мягкой, тёплой, игривой — притягательной. Как будто я могла улыбаться даже тогда, когда внутри я могла быть не уверена

— Ну что ты думаешь? — спросила я и легко похлопала Пелин по плечу, заранее предупреждая, что выбор будет не из простых. Я усмехнулась — и почти с удовольствием переложила всю головную боль на её плечи.

Пелин посмотрела на меня исподлобья, прищурилась.

— Ты садистка, — сказала она, но тут же добавила, уже с гордостью, будто произносила клятву: — Но кто, если не я,

вытащит тебя из этой ситуации?

Я смотрела на неё и знала — это правда. Улыбка сама собой появилась на лице: тёплая, благодарная, почти нежная. Пелин подняла красное платье, подержала его на вытянутых руках, оценивая, как оно будет смотреться в движении.

— Начнём с этого.

Дальше было то самое «показ мод», которое у нас всегда превращалось в маленький спектакль. Мы примеряли, поправляли, спорили, меняли мнение по десять раз за минуту. Я выходила, поворачивалась, делала вид, что прохожу по подиуму, а Пелин то щурилась, то махала рукой, то придирчиво прикусывала губу — как строгий, но честный судья. И всё равно, спустя время, наш выбор единогласно остановился на чёрном платье.

— Идеально, — сказала Пелин, отступив на шаг, чтобы рассмотреть меня целиком. — Ты красотка.

Я расправила плечи, чуть приподняла подбородок и, не удержавшись, выдала с игривой театральностью:

— Смотри на меня и восхищайся.

Потом добавила — нарочно преувеличивая, будто играла роль капризной звезды:

— Ну не каждый день такое увидишь, где ваши вспышки камер от папарацци

Пелин не выдержала и кинула в меня подушку.

— Фу, какая злая, — рассмеялась я, поймав её и прижав к груди, будто это был трофей.

Пелин улыбнулась мне в ответ, но уже иначе — мягче. Она встала с кровати, подошла ближе и посмотрела так тепло, что на секунду я даже перестала думать о клубе, о миссии, о том, что нас ждёт.

— Ты прекрасна, — повторила она, спокойнее, увереннее, как будто фиксировала факт.

И вдруг её как будто щёлкнуло — она замерла, взгляд стал сосредоточенным, будто вспомнила о чём-то важном.

— Ах, дорогая... ты ещё называешься подругой.

— Не поняла? — удивилась я.

— Мне кажется, чего-то не хватает, — сказала она и развернулась.

Пелин подошла к комоду, где раньше я положила её коробку с подарком. Она взяла её так уверенно, будто заранее знала, что этот момент будет именно сейчас. Вернулась ко мне и протянула коробку

.— Открывай.

Я без особого интереса начала быстро приступать к распаковке — просто потому что в голове всё ещё сидели платья, клуб, время. Сначала потянула за бант, потом сняла крышку. Внутри лежал браслет. И камень в нём был такой, что я невольно задержала дыхание. Он переливался двумя цветами сразу — как будто внутри него жила двойная природа. Я никогда не видела ничего подобного: необычный, красивый, редкий. Он выглядел так, словно мог быть и украшением, и талисманом.

— Это аметрин, — сказала Пелин, и в её голосе прозвучало что-то почти личное.

Я повернула браслет в руках. Камень переливался странно — не одним цветом, а двумя. Фиолетовый мягко переходил в золотисто-жёлтый, будто в нём уживались сумерки и рассвет одновременно.

— Он двухцветный, — продолжила она. — В нём аметист и цитрин. Тень и свет. И они не борются друг с другом...они гармонично существуют вместе и отражая красоту друг друга .

Я заметила, как в глубине кристалла вспыхнула едва уловимая искра — то ли зелёная, то ли оранжевая. Камень словно жил своей внутренней жизнью.

— Настоящие аметрины бывают только во фракции Морвин. На моей родине, — сказала Пелин тише. — Всё остальное — бледные попытки повторить его.

Я подняла на неё глаза. Она смотрела прямо, без улыбки.
— Ты похожа на него, Ри. В тебе тоже два начала. И ты не обязана выбирать одно. Ты цельная именно потому, что в тебе их два, и я верю скоро твои силы проявятся и ты узнаешь о себе больше .

Камень в моих пальцах вдруг стал тёплым.И я впервые почувствовала, что, возможно, метис это не раскол и не дефект. Это редкость.Ладони вспотели. Внутри будто наконец-то стихла буря — как будто октан, который последние дни бушевал во мне, медленно успокаивался.

Последние дни я была потерянной. Меня бесило, что я не знаю, чего хочу от жизни. Бесило, что не могу найти себя. Что чувствую себя какой-то «не такой»: менее успешной, менее заметной, менее цельной, чем все мои друзья. Будто я всё время стою рядом, но никогда — в центре собственной истории.

Я не могла найти себе место.

И мысль о том, к какой фракции я принадлежу — или не принадлежу вовсе — тоже не давала покоя. Это незнание разъедало. Я злилась, что не могу определить себя, что не понимаю, по какой волне должна плыть. Скорее всего, я была в отчаянии. Хотя старательно этого не показывала. Если бы я знала хотя бы одну сторону... хотя бы одну из своих граней — было бы легче? Была бы я спокойнее? Увереннее? Или это всё равно не спасло бы от внутренней пустоты?

Мысли о родителях так и не покидали меня. Они всегда возвращались — тихо, но настойчиво. Я посмотрела на Пелин. С тяжестью в груди, с тем самым вопросом в глазах, который не решалась произнести вслух. И в её взгляде я увидела не жалость. на ее лице не было сомнение. я видела полное понимание и принятие.

Её глаза будто говорили: Я вижу перед собой цельную личность. Я вижу верного друга. Я вижу хорошего человека. И мне этого достаточно. И, возможно, впервые за долгое время, мне тоже стало достаточно.

— Спасибо, — прошептала я тихо.

Я шагнула вперёд и обняла её без лишних слов Просто потому что в этот момент слова были не нужны.Пелин обняла меня в ответ — уверенно, как будто закрепляя внутри меня что-то важное.Я отстранилась, вдохнула глубже, словно собираясь заново.Потом нарочито посмотрела на часы — немного наигранно, чтобы разрядить серьёзность момента, и надела браслет на запястье. Камень лёг идеально, будто всегда был предназначен для моей руки.Я подняла взгляд.

— Ну что ж... — уголки губ приподнялись. — Мы готовы.Я слегка расправила плечи.

— Кристал... жди нас

Глава 2 «От Кристалла до границы»

«Кристал» был новым закрытым клубом и почти сразу заработал статус одного из самых крутых заведений Флориума. его имя уже стало синонимом ночи. Мы с Пелин стояли в середине очереди. Я медленно осматривала всё вокруг, позволяя взгляду скользить по неоновой вывеске, по влажному асфальту, по огням города. Ночь и свет были идеальной парой. От всех вокруг исходила густая энергия предвкушения. Я обожала Флориум за его разнообразие. Здесь не было жёстких разделений, существа Магнуса общались легко и свободно, будто различия делали их только интереснее. Мой взгляд цеплялся за крылья разных форм, за вытянутые уголки ушей, за кожу с лёгким перламутровым блеском. Неоновый свет ложился на волосы, лица, плечи, придавая всему почти нереальное сияние. Вывеска «Кристалла» отражалась в глазах стоящих в очереди, освещая всех мягким пульсирующим светом. Улица была полностью заполнена существами Магнуса. Это было по-настоящему красивое зрелище. Кто-то беседовал, кто-то нервно поглядывал на вход, кто-то делал вид, будто его пропустят без вопросов. Наша очередь постепенно приближалась.

— Чёрт возьми, Физис, — прошипела Пелин, глядя на

экран. — Какого хрена?

Гудки обрывались один за другим. Я видела, как у неё дрожат пальцы.

— Я его убью. Я трижды писала, чтобы всё прошло гладко в твой день рождения.

— Перестань, — спокойно сказала я. — Может, телефон на беззвучном. Или он занят. Перед нами ещё пятеро, он успеет ответить. И ты сама говорила, что он отвечает за безопасность в «Кристале».

Она раздражённо посмотрела на меня.

— Не люблю эту твою черту. Ты всегда всех оправдываешь.

— Я просто не спешу злиться.

Она вздохнула.

— Ладно. Может, ты и права.

Пелин взяла меня за руку, и мы переплели пальцы. Очередь дошла до нас. Телефон Физиса продолжал молчать.

— Ваше имя? — спросил охранник, попросив документы.

В его взгляде уже читался отказ, будто решение было принято заранее.

— У меня сегодня день рождения, — сказала я ровно. — Я хочу хорошо провести вечер. Двадцать лет бывает не каждый год, согласитесь.

Пелин активно закивала.

— Нас пригласил Физис. Он в курсе, что мы здесь.

Лицо охранника стало ещё жёстче. Его напарник молча

наблюдал. Оба винорийца с тёмно-серыми крыльями казались огромными и непоколебимыми.

— Вам отказано.

— В связи с чем? — спросила я.

— Я не обязан объяснять. Не задерживайте очередь.

В этот момент массивные двери «Кристалла» распахнулись, и яркий свет клуба пролился на улицу. Из дверей вышел Физис. Свет падал за его спиной так, будто он сошёл к нам сверху.

— В чём проблема? — спросил он.

Охранник мгновенно выпрямился.

— Эти девушки задерживают очередь...

Физис посмотрел на подчинённых так, что продолжение фразы оборвалось само собой. Затем он переключился на нас.

— Девочки... Пелин, Айри. Добро пожаловать.

Он распахнул руки и обнял нас.

— Я тебя убью, — сказала Пелин с улыбкой. — Что с твоим телефоном? Ты заставил нас изрядно понервничать.

— И в мой день рождения, — добавила я.

— Простите, — он достал телефон из кармана и увидел пропущенные звонки. — Беззвучный режим. Моя вина. Я всё возьму. Заставил таких милых дам ждать.

Он наигранно склонился в лёгком реверансе. Мы рассмеялись. Напряжение рассыпалось. Физис взял нас под руки и повёл внутрь. Музыка захватывала дыхание. Красивые суще-

ства в идеальных нарядах заполняли пространство. Диджей стоял в центре спирального здания, и каждый этаж жил своей энергетикой. Я поняла, почему «Кристал» стал таким популярным — каждый находил здесь свой ритм.

— Записывайте всё на моё имя. Ни в чём себе не отказывайте. Я забронировал столик на втором уровне. Считайте это подарком.

Он посмотрел на меня и раскрыл объятия.

— Ты милашка, Физис. Спасибо.

— Посмотрите-ка на неё, — тихо процедила Пелин. — Растаяла.

Физис проводил нас к столику и посадил

— Отдыхайте. У меня ещё дела. Освобожусь — подойду.

Он ушёл. Я заметила взгляд Пелин, которым она провожала его. В этом взгляде было больше, чем просто благодарность. В моей голове мелькнула догадка.

— Пелин, ты ничего не хочешь сказать?

Она резко посмотрела на меня и тут же перевела тему.

— Тост.

Она подняла бокал дорогого вина. Я улыбнулась. Наши бокалы ударились друг о друга с чистым, звонким звуком хрусталя. И с этого звона началось наше веселье.

Музыка захватывала наше тело. Алкоголь давал свободу движениям. Неоновые огни скользили по лицам и плечам, вспыхивали на коже, отражались в глазах. Мы чувствовали каждую энергию вокруг. Руки сами потянулись вверх, лю-

бовь к собственному телу наполняла изнутри и уводила в ритм танца. Мы не замечали времени — оно текло иначе. Вскоре в горле пересохло.

— Пойдём к бару, надо выпить. В горле пересохло.

— Согласна. Я готова иссушить целый океан. Пойдём.

Я потащила Пелин за собой. Когда мы дошли до барной стойки, наше дыхание стало прерывистым, учащённым от танца и смеха. Взгляд Пелин зацепился за пару, которая флиртowała и откровенно соблазняла друг друга. Она посмотрела на меня — в её глазах появилась уверенность и настойчивое решение.

— Эй... ты не против? Я отойду. Мне нужно поговорить с Физисом. Это займёт десять минут.

Я улыбнулась — не из-за её слов, а потому что моя догадка оказалась верной.

— Между вами что-то происходит. Это заметно. И Физис, возможно, испытывает к тебе что-то. Думаю, это правильное решение. Иди. Я подожду.

Пелин поцеловала меня в щёку.

— Я скоро буду.

И ушла на пятый винтовой этаж. Бар быстро наскучил мне. Шум голосов смешался в однотонный гул. Мне захотелось посмотреть на большой танцпол на первом этаже. Допив содержимое стакана, я направилась вниз. Внизу царил другая энергия. Музыка уводила мысли, тело двигалось само, я протиснулась между иными существами. Алкоголь да-

вал о себе знать — давление на мочевой пузырь стало настойчивым. В поисках уборной я свернула в коридор, где было значительно тише. Освещение здесь было приглушённым по сравнению с яркостью танцпола. Я почувствовала странную, едва уловимую энергию — что-то неясное, но тревожное. Однако сознание было затуманено, и я не смогла сосредоточиться. Я шла, слегка улыбаясь, когда слышала шаги позади. Они были синхронными. Два парня шли за мной. Из-за пелены перед глазами я не сразу могла различить их лица — всё вокруг слегка плыло.

— Стой. С тобой всё хорошо? Позволь помочь.

— Спасибо. Я не нуждаюсь в помощи. Особенно от двух незнакомых парней.

Мой ответ прозвучал резко. Они подошли ближе, и лица начали обретать чёткость. И в этот момент я вспомнила — весь вечер они были рядом. Везде. Я просто не придавала этому значения. Парень с красными волосами схватил меня за руку и резко дёрнул на себя. Во мне мгновенно вспыхнул огонь.

— Ты что творишь? Убери руки. Ты ищешь проблем?

В ту же секунду второй, чуть выше ростом, закрыл мне рот рукой. Они потащили меня почти волоком. Убедившись, что вокруг никого нет, один из них накинул мне на голову ткань, лишая зрения, и сунул в рот грязную тряпку. В глазах потемнело. Злость и отчаяние переплелись в одном импульсе. Я вырывалась изо всех сил. Одного из них я успела уда-

ритель по лицу.

— Тварь, она мне в нос попала! Успокойся, тебе лучше не брыкаться!

— Остынь. Быстрее. Камеры справа. Нам нужно идти через аварийный выход.

Двери распахнулись. Я услышала шум улицы. Сердце билось так часто, что гул стоял в ушах. Я могла надеяться только на себя. Звук фургона, заведённый двигатель — всё это напугало сильнее, чем их руки. В голове мелькали сотни ужасных мыслей. Я дёргалась, вырывалась, пыталась освободиться. Кто-то поднял меня и закинул на плечо. Я не знала, что делать в такой ситуации. Меня пытались запихнуть в машину, я сопротивлялась изо всех сил. В этот момент сильный удар — холодное железо. Это была дверь машины. Она со всей силы пришлась мне по затылку. Жгучая боль вспыхнула, глаза сами закрылись, и я отключилась.

— Чёрт, она не уgomонится. Она ударилась головой.

— Аккуратно. Нам нужно довести её целой.

— Она сама виновата... — в голосе парня звучала растерянность.

Я очнулась. Сознание возвращалось медленно, будто пробивалось сквозь туман. Боль не отступала. В нос ударил запах бензина и сигарет. Дорога была ровной — значит, мы уже выехали из города. Не слышно было ничего, кроме шума колёс и глухого гула двигателя. По салону перекачивались же-

стяные бутылки. Руки и ноги ныли от боли, пальцы затекли. Сколько я была без сознания? Их разговор сначала звучал глухо, будто через воду. Размытые слова. Мне нужно было вслушиваться.

— Она приходит в себя.

— Да, я чувствую.

— Мы не должны были делать это. Её будут искать. В клубе полно камер.

— У нас не было выбора. Ты знаешь, иначе всё закончилось бы по-другому.

— Мы могли вернуть долг иначе.

— Заткнись и следи за дорогой.

— Он сказал, что она наш ключ к свободе. Разве ты не хочешь начать новую жизнь?

— Хочу... Я скучаю по дому. Так же, как и ты.

— А зачем она им?

— Не знаю. Знаю только одно — она им нужна.

В голосе водителя звучала тревога. Я чувствовала, что он не желает мне зла, но обстоятельства заставили его. Значит, они не собираются меня убивать. Но куда меня везут? И что будет дальше?

— Она всё слышит, — прошептал один.

— Мне это не нравится. Я чувствую её энергию. С ней что-то происходит. Она как бомба замедленного действия. Я не встречал таких, как она.

— Она всё слышит.

— Следи за дорогой... Чёрт, вырули налево! Что это? Тормоз! Жми на тормоз!

Резкий скрип шин. Крики. Машину начало раскачивать. Через мгновение она перевернулась и остановилась вверх колёсами. Металл продолжал тихо потрескивать, будто машина ещё не поняла, что движение закончено. Где-то подо мной стекло осыпалось мелкими осколками, один из них впился в ладонь, и я только тогда почувствовала, что сжимаю кулаки так сильно, что ногти впиваются в кожу. Воздух стал густым, пах бензином и пылью, и каждый вдох царапал горло.

Мир перевернулся не только снаружи — внутри всё тоже съехало, как мебель в разбитом доме. Я попыталась пошевелиться, но тело слушалось с задержкой. Где-то впереди застонал один из них. Второй кашлянул, сплюнул кровь и попытался выбраться через лобовое стекло.

кто-то шёл к машине. Я злилась на себя. Почему я не раскрыла свои силы? Почему позволила себе быть такой беспомощной? Слёзы покатались по щекам. Я не справлюсь. Я глупая. Я даже себя защитить не могу. Дверь машины распахнулась. Кто-то потянул меня за ноги. Я дёргалась.

— Тихо. Всё тихо.

Мешок сняли. Передо мной был Тануй. Он вытащил ткань из моего рта.

— Вставай. Всё хорошо.

— Это ты... Я была в клубе... мы отмечали день рожде-

ния... потом... эти...

Слова бежали быстрее мыслей. Я не могла остановиться. Слезы текли, тело дрожало.

— Я не смогла защитить себя.

— Тихо, — сказал он мягко и обнял меня по-отечески, проводя рукой по голове. — Я рядом.

— Эти двое похитили меня.

Мы посмотрели вперёд. Парни, лежавшие у переднего сиденья, уже поднялись и тихо отходили от машины. В тот момент, когда Тануй сделал шаг к ним, они молниеносно прыгнули в чёрную воронку. Пространство будто разошлось, втянуло их и мгновенно сомкнулось.

— Сбежали! — крикнула я. — Они могут снова найти меня!

— Могут. Но ты должна быть готова. Это не шутки.

— Они говорили про долг. Кто-то хочет, чтобы я попала к ним невредимой. Зачем я им?

— За тобой ещё придут. Ты должна быть готова.

Он посмотрел в сторону Красного леса и протяжно свистнул. Звук был таким мощным, что у меня заложило уши. Я закрыла их ладонями. Вдалеке показался силуэт. Из леса вышел огромный лось, его тело светилось тёмно-бордовым светом, сливаясь с оттенками деревьев. За ним выбежал чёрный лис.

— Оникс, малыш, иди ко мне.

Лис подбежал ко мне, и я упала на колени, крепко обняв

его.

— Малыш... ты не представляешь, через что мне пришлось пройти.

Тануй повернулся к нам. Наши взгляды встретились. Лось подошёл ближе.

— Пойдём.

Он протянул мне руку. Я встала, колени дрожали. Тануй запрыгнул в седло и помог мне забраться. Лось был огромным, без его помощи я бы не смогла подняться. Мы вошли в Красный лес Деревья стояли плотно, их тёмно-бордовая листва почти не шевелилась, даже когда мимо проходил тяжёлый лось. В глубине мерцали тонкие полосы света — будто сам воздух здесь был насыщен чем-то древним.

Я сидела за спиной Тануя и чувствовала его дыхание — ровное, спокойное, будто ничего из произошедшего не требовало спешки. Это злило и одновременно удерживало меня от того, чтобы снова сорваться

Лис бежал рядом. Я обняла Тануя. Мы ехали в тишине.

— Как ты узнал? — спросила я тихо.

— Лис любит следить за тобой.

Я посмотрела на Оникса.

— Он следил за мной?

— Периодически.

— Но как?

— Я собирался на рыбалку. Он появился у хижины. В зубах у него была твоя футболка. Он бегал, кусал меня за ноги,

не давал уйти. Мне показалось это странным. Я попытался посмотреть варианты будущего, но линии рвались. Ничего не складывалось.

— Ты говорил, что не видишь моего будущего.

— Не вижу. Но Оникс понял, что я могу узнать через его память. Он запрыгнул ко мне на колени и позволил дотронуться до себя. Я увидел всё — клуб, тебя, этих двоих, машину, дорогу. Они поджидали тебя ещё у дома.

— Оникс позволил тебе прикоснуться? От укачивания меня тянуло в сон мои глаза сомкнулись

Я открыла глаза от лёгкого похлопывания по руке. Мы уже стояли у хижины.

— Айри, мы приехали. Я помогу тебе слезть.

Сон всё ещё держал меня крепко. Тело тянуло обратно в тяжёлую сладкую темноту, где ничего не болит и не нужно шевелиться. Но боль всё равно пробивалась сквозь это состояние: затылок ныл, ноги стали ватными, в руках совсем не осталось силы. Я попробовала слезть с лося, но сразу поняла, что сама не справлюсь. Тануй подошёл ближе, подхватил меня и закинул мою руку себе на плечо. Стоило только сделать шаг, как мышцы вспыхнули резкой болью. Я стиснула зубы и промолчала. Он помог мне дойти до двери, открыл её ногой и завёл внутрь. В хижине было тепло. Это тепло сразу накрыло меня, но легче от этого не стало — тело всё равно ломило так, будто каждая кость помнила падение. Он уложил меня на кровать. Пружина подо мной протяжно

скрипнула. Тануй осторожно снял с меня грязную обувь с избитых ног и накрыл одеялом. Я уже не могла бороться со сном. Глаза закрывались сами. Тануй стоял у изголовья. Я почувствовала, как он погладил меня по голове.

— Засыпай, моя хорошая. Ты ещё не знаешь, на что способна. Ты станешь той, кто будет бороться и победит.

Он сказал это шёпотом. Я слышала его голос, но слова расплывались. До сознания доходило только ощущение, что он говорит что-то важное. Оникс повернул голову в его сторону.

— Сегодня ты проявил достойную помощь. Я благодарен тебе. Охраняй её сон. Я доверяю тебе. Я отлучусь ненадолго.

В глазах лиса было полное понимание. Он коротко кивнул, прыгнул на кровать, покружился на одном месте и лёг у моих ног, уткнув мордочку в хвост.

Тануй дошёл до границы Красного леса и остановился у окраины. Он вглядывался в темноту, будто ждал кого-то. Ветер поднялся внезапно. Листья зашуршали так густо, что стало трудно вслушиваться в тишину. Тануй прищурился и направил взгляд туда, где начиналась граница Зелёного леса. Через несколько мгновений из темноты вышла знакомая фигура. Перед ним появился Абрам, директор университета. Высокий, с прямой спиной. На нём было длинное тёмное пальто, которое держало форму даже на ветру. Под ним виднелась строгая тёмная одежда. Красный шарф лежал ровно

и сразу притягивал взгляд. Седые волосы были зачёсаны назад, открывая высокий лоб. Лицо обрамляла аккуратно подстриженная борода. Глаза скрывали тёмные очки. Тануй поприветствовал его. Они прикоснулись друг к другу лбами, обходя одной рукой головы друг друга. Это был жест уважения и доверия, понятный без слов. Абрам отступил на шаг и сказал:

— Ну что ж, друг мой, доброй ночи. Что случилось в столь поздний час, что ты так срочно позвал меня?

Тануй выдохнул.

— Не такой уж и доброй она оказалась, Абрам. Айри Её пытались похитить и вывести за границу фракции.

Лицо Абрама сразу изменилось. Оно стало жёстче, улыбка исчезла с его губ.

— Я предупреждал тебя, что такое возможно. О ней кто-то узнал больше, чем мы думали. Я говорил тебе. Я просил тебя не выпускать её из границ Красного леса. Здесь она была бы в безопасности рядом с тобой.

Трость Тануя стукнула по сырой земле.

— Мы уже говорили об этом. Я не хочу возвращаться к этому разговору.

Он замолчал на мгновение, потом добавил тише:

— Она должна была быть обычным ребёнком. Я не мог лишиться её детства, сверстников, жизни среди людей.

Абрам смотрел на него прямо.

— Ты не видишь её будущего. Как ты можешь решать, что

для неё правильно и где для неё безопасно?

Тануй отвёл взгляд в сторону леса.

— Я не вижу её но сегодня произошло нечто, о чём я не мог ни подумать, ни догадаться.

Абрам насторожился.

— Что? О чём ты говоришь, Тануй?

— Чёрный лис. Фамильяр. Объясню по порядку.

Он немного помолчал, собираясь с мыслями.

— Когда Айри была ещё маленькой, Ирма привезла её в Красный лес. Это было через неделю после того, как она оформила опеку над Айри.

Абрам нетерпеливо переместился с ноги на ногу.

— И к чему это?

— Не торопись, мой друг. Слушай дальше.

Тануй снова опёрся на трость.

— Они проводили здесь каждые каникулы. В то время мы с Айри изучали лес. В один из таких дней она рассказала за ужином, что увидела чёрного лиса. Он наблюдал за ней издали, а потом исчез.

Абрам нахмурился.

— Тануй, ближе к сути.

— Он начал появляться снова. Каждый раз задерживался всё дольше. Следил за ней, потом стал проявлять всё больший интерес. В какой-то момент зашёл в хижину, а позже и вовсе перебрался в её комнату. Я говорю о том, что он сильно сблизился с ней. Меня же избегал и не позволял дотраги-

ваться до себя.

Абрам молчал, не перебивая.

— Сегодня он спас её. Он следил за ней. И он пришёл ко мне.

После этого Тануй рассказал Абраму всё, что произошло. Абрам слушал внимательно, не двигаясь.

— То есть ты хочешь сказать, что лис показал тебе всё, что видел сам? Через свои воспоминания?

— Да. Именно это меня и удивило.

Абрам немного опустил голову.

— А если мы ошибаемся насчёт неё, Тануй?

Эти слова повисли в воздухе. Тануй впервые посмотрел на него прямо.

— Я не ошибаюсь.

Абрам помолчал, затем спросил:

— А что насчёт будущего?

Тануй ответил не сразу.

— Пока не могу сказать точно. Я даже не знаю, возможно ли вообще увидеть будущее Айри через него.

Абрам потёр подбородок. По его лицу было видно, что мысли уносят его далеко.

— Значит, не всё потеряно, как казалось.

Он вдруг поднял голову и резко добавил:

— Определим её в университет. Раз ты больше не хочешь, чтобы она оставалась в Красном лесу, пора решать. Я говорю тебе об этом уже третий год, а ты всё тянул. Вот и настал

ЭТОТ МОМЕНТ.

Тануй нахмурился.

— Она сама не хотела. Я не мог заставить её.

Он вздохнул.

— Но я поговорю с ней. И буду настороже.

Абрам качнул головой.

— Хотя я и утратил прежнее всемирное видение, сегодня я увидел страшную картину рядом с твоим домом в старом городе. Не покидай университет. И перевези семью в город.

Он сделал паузу.

— Это не просьба.

Брови Абрама сошлись, челюсть напряглась. Тануй кивнул.

— Я понял тебя. Спасибо за предвидение.

Он уже хотел развернуться и уйти, но Абрам остановил его:

— Не затягивай с её поступлением. Завтра в университете вступительные экзамены. Ты ещё можешь помочь ей не упустить что-то важное.

Тануй кивнул, и в этом кивке читалась благодарность.

— У меня есть все необходимые документы. Завтра я дам тебе знать.

После этого он развернулся и направился обратно, в густой Красный лес.

— Айри, мы приехали. Я помогу тебе слезть.

Сон всё ещё держал меня крепко. Тело тянуло обратно в

тяжёлую сладкую темноту, где ничего не болит и не нужно шевелиться. Но боль всё равно пробивалась сквозь это состояние: затылок ныл, ноги стали ватными, в руках совсем не осталось силы. Я попробовала слезть с лося, но сразу поняла, что сама не справлюсь. Тануй подошёл ближе, подхватил меня и закинул мою руку себе на плечо. Стоило только сделать шаг, как мышцы вспыхнули резкой болью. Я стиснула зубы и промолчала. Он помог мне дойти до двери, открыл её ногой и завёл внутрь. В хижине было тепло. Это тепло сразу накрыло меня, но легче от этого не стало — тело всё равно ломило так, будто каждая кость помнила падение. Он уложил меня на кровать. Пружина подо мной протяжно скрипнула. Тануй осторожно снял с меня грязную обувь с избитых ног и накрыл одеялом. Я уже не могла бороться со сном. Глаза закрывались сами. Тануй стоял у изголовья. Я почувствовала, как он погладил меня по голове.

— Засыпай, моя хорошая. Ты ещё не знаешь, на что способна. Ты станешь той, кто будет бороться и победит.

Он сказал это шёпотом. Я слышала его голос, но слова расплывались. До сознания доходило только ощущение, что он говорит что-то важное. Оникс повернул голову в его сторону.

— Сегодня ты проявил достойную помощь. Я благодарен тебе. Охраняй её сон. Я доверяю тебе. Я отлучусь ненадолго.

В глазах лиса было полное понимание. Он коротко кивнул, прыгнул на кровать, покружился на одном месте и лёг у

моих ног, уткнув мордочку в хвост.

Тануй дошёл до границы Красного леса и остановился у окраины. Он вглядывался в темноту, будто ждал кого-то. Ветер поднялся внезапно. Листья зашуршали так густо, что стало трудно вслушиваться в тишину. Тануй прищурился и направил взгляд туда, где начиналась граница Зелёного леса. Через несколько мгновений из темноты вышла знакомая фигура. Перед ним появился Абрам, директор университета. Высокий, с прямой спиной. На нём было длинное тёмное пальто, которое держало форму даже на ветру. Под ним виднелась строгая тёмная одежда. Красный шарф лежал ровно и сразу притягивал взгляд. Седые волосы были зачёсаны назад, открывая высокий лоб. Лицо обрамляла аккуратно подстриженная борода. Глаза скрывали тёмные очки. Тануй поприветствовал его. Они прикоснулись друг к другу лбами, обходя одной рукой головы друг друга. Это был жест уважения и доверия, понятный без слов. Абрам отступил на шаг и сказал:

— Ну что ж, друг мой, доброй ночи. Что случилось в столь поздний час, что ты так срочно позвал меня?

Тануй выдохнул.

— Не такой уж и доброй она оказалась, Абрам. Айри Её пытались похитить и вывести за границу фракции.

Лицо Абрама сразу изменилось. Оно стало жёстче, улыбка исчезла с его губ.

— Я предупредил тебя, что такое возможно. О ней кто-то узнал больше, чем мы думали. Я говорил тебе. Я просил тебя не выпускать её из границ Красного леса. Здесь она была бы в безопасности рядом с тобой.

Трость Тануя стукнула по сырой земле.

— Мы уже говорили об этом. Я не хочу возвращаться к этому разговору.

Он замолчал на мгновение, потом добавил тише:

— Она должна была быть обычным ребёнком. Я не мог лишиться её детства, сверстников, жизни среди людей.

Абрам смотрел на него прямо.

— Ты не видишь её будущего. Как ты можешь решать, что для неё правильно и где для неё безопасно?

Тануй отвёл взгляд в сторону леса.

— Я не вижу её но сегодня произошло нечто, о чём я не мог ни подумать, ни догадаться.

Абрам насторожился.

— Что? О чём ты говоришь, Тануй?

— Чёрный лис. Фамильяр. Объясню по порядку.

Он немного помолчал, собираясь с мыслями.

— Когда Айри была ещё маленькой, Ирма привезла её в Красный лес. Это было через неделю после того, как она оформила опеку над Айри.

Абрам нетерпеливо переместился с ноги на ногу.

— И к чему это?

— Не торопись, мой друг. Слушай дальше.

Тануй снова опёрся на трость.

— Они проводили здесь каждые каникулы. В то время мы с Айри изучали лес. В один из таких дней она рассказала за ужином, что увидела чёрного лиса. Он наблюдал за ней издалека, а потом исчез.

Абрам нахмурился.

— Тануй, ближе к сути.

— Он начал появляться снова. Каждый раз задерживался всё дольше. Следил за ней, потом стал проявлять всё больший интерес. В какой-то момент зашёл в хижину, а позже и вовсе перебрался в её комнату. Я говорю о том, что он сильно сблизился с ней. Меня же избегал и не позволял дотрагиваться до себя.

Абрам молчал, не перебивая.

— Сегодня он спас её. Он следил за ней. И он пришёл ко мне.

После этого Тануй рассказал Абраму всё, что произошло. Абрам слушал внимательно, не двигаясь.

— То есть ты хочешь сказать, что лис показал тебе всё, что видел сам? Через свои воспоминания?

— Да. Именно это меня и удивило.

Абрам немного опустил голову.

— А если мы ошибаемся насчёт неё, Тануй?

Эти слова повисли в воздухе. Тануй впервые посмотрел на него прямо.

— Я не ошибаюсь.

Абрам помолчал, затем спросил:

— А что насчёт будущего?

Тануй ответил не сразу.

— Пока не могу сказать точно. Я даже не знаю, возможно ли вообще увидеть будущее Айри через него.

Абрам потёр подбородок. По его лицу было видно, что мысли уносят его далеко.

— Значит, не всё потеряно, как казалось.

Он вдруг поднял голову и резко добавил:

— Определим её в университет. Раз ты больше не хочешь, чтобы она оставалась в Красном лесу, пора решать. Я говорю тебе об этом уже третий год, а ты всё тянул. Вот и настал этот момент.

Тануй нахмурился.

— Она сама не хотела. Я не мог заставить её.

Он вздохнул.

— Но я поговорю с ней. И буду настороже.

Абрам качнул головой.

— Хотя я и утратил прежнее всемирное видение, сегодня я увидел страшную картину рядом с твоим домом в старом городе. Не покидай университет. И перевези семью в город.

Он сделал паузу.

— Это не просьба.

Брови Абрама сошлись, челюсть напряглась. Тануй кивнул.

— Я понял тебя. Спасибо за предвидение.

Он уже хотел развернуться и уйти, но Абрам остановил его:

— Не затягивай с её поступлением. Завтра в университете вступительные экзамены. Ты ещё можешь помочь ей не упустить что-то важное.

Тануй кивнул, и в этом кивке читалась благодарность.

— У меня есть все необходимые документы. Завтра я дам тебе знать.

После этого он развернулся и направился обратно, в густой Красный лес.

Глава 4 « шаг »

Мокрый нос лиса коснулся моего плеча. Именно так он всегда будил меня по утрам. Оникс двигался по постели осторожно, бережно переступая лапами, будто понимал, что моё тело сейчас ноет от ссадин и синяков. Глаза открывались с трудом. Сон всё ещё держал меня и не выпускал в реальность. Но Оникс был настойчив.

— Дружок прекрати

Я подняла руку, чтобы отмахнуться, и тут же боль ударила в плечо так резко, что у меня вырвалось:

— Чёрт как же всё болит

Злость на себя поднималась вместе с болью. Мне было тяжело даже от того, что собственное тело вдруг стало таким беспомощным. И всё же я оттолкнула его мордочку.

— Встаю встаю только дай мне несколько минут.

С трудом открыв глаза, я попыталась поднять голову. Шея болела так, что её было трудно повернуть и влево, и вправо. Я сделала ещё одно усилие, упёрлась локтями и приподнялась. Каждая мышца отзывалась так, будто её разорвали. Однажды я уже испытывала нечто похожее, когда упала. Но сейчас я не хотела возвращаться в это воспоминание и сразу прогнала его прочь. Я сбросила ноги на тёплый пушистый ковёр и попробовала встать. Оникс смотрел на меня внимательно.

— Только не смотри на меня так. Видишь, я встала. У меня получилось.

Он спрыгнул с кровати, подошёл ближе и потёрся о мою ногу сначала мордочкой, потом хвостом. И только тогда я заметила синяки. Кожа на бедре была содрана. Кровь почти успела засохнуть и стянуться в небольшую корочку. Я замерла, глядя на это, и только теперь до конца поняла, через что прошла.

— Дружок прекрати

Я подняла руку, чтобы отмахнуться, и тут же боль ударила в плечо так резко, что у меня вырвалось:

— Чёрт как же всё болит

Злость на себя поднималась вместе с болью. Мне было тяжело даже от того, что собственное тело вдруг стало таким беспомощным. И всё же я оттолкнула его мордочку.

— Встаю встаю только дай мне несколько минут.

С трудом открыв глаза, я попыталась поднять голову. Шея болела так, что её было трудно повернуть и влево, и вправо. Я сделала ещё одно усилие, упёрлась локтями и приподнялась. Каждая мышца отзывалась так, будто её разорвали. Однажды я уже испытывала нечто похожее, когда упала. Но сейчас я не хотела возвращаться в это воспоминание и сразу прогнала его прочь. Я сбросила ноги на тёплый пушистый ковёр и попробовала встать. Оникс смотрел на меня внимательно.

— Только не смотри на меня так. Видишь, я встала. У

меня получилось.